

ПОТОМУ ЧТО ТЫ
ЛЮБИШЬ
НЕНАВИДЕТЬ
МЕНЯ

13 злодейских
сказок

ПОТОМУ ЧТО ТЫ
ЛЮБИШЬ
НЕНАВИДЕТЬ
МЕНЯ

13 злодейских
сказок

СОСТАВИТЕЛЬ
ЭМЕРИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9
ББК 84(7Coe)-44
Ю49

BECAUSE YOU LOVE TO HATE ME:
13 TALES OF VILLAINY

*Публикуется с разрешения Bloomsbury Publishing Plc.
and Synopsis Literary Agency.*

Перевод с английского *Дмитрия Казакова*

Юн, Никола.

Ю49 Потому что ты любишь ненавидеть меня: 13 злодейских сказок [антология] / Никола Юн, Марисса Мейер, Виктория Шваб и др.; Ред.-сост. Эмери; Пер. с англ. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 416 с.

ISBN 978-5-17-105211-9

Оставьте героям скучную суету по спасению мира — злодеям достаточно всего лишь править им!

В этой уникальной антологии тринадцать авторов бестселлеров молодежной литературы принимают вызов тринадцати влиятельных буктьюберов, чтобы переосмыслить классические сказочные сюжеты и взглянуть на природу зла под другим — зачастую, очень неожиданным — углом.

Медуза и Шерлок Холмс, Джек на бобовом стебле и морская ведьма, красавица и чудовище, Артур, Ланселот и Гвиневра — знакомые с самого детства герои. Думаете, вы **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** знаете их? Тогда будьте готовы к сюрпризам и не говорите, что вас не предупреждали!

УДК 821.111-312.9
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-105211-9

© 2017 by Ameriie Mi Marie Nicholson
All rights reserved.
Казаков Д.Л., перевод на русский язык,
2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

*Неоправданно чуткому и улыбчивому
дьявольскому эмодзи в каждом из нас*

ПРЕДИСЛОВИЕ

У тебя не хватает духа, чтобы
стать тем, кем ты хочешь.
Тебе нужны такие люди, как я.
Тебе нужны люди, на которых
ты можешь нацелить свой гребаный
палец и сказать:
«Вот он, засранец!».

Тони Монтана, «Лицо со шрамом»

Злодеи.

Истории без них мало чего стоят. Героям не подняться к величию без их помощи.

Если нет врага, то наш любимый протагонист так и будет пинать камни в Шире или бездельничать и пить чай с бисквитами в гостях у фавна Тумнуса. Мы любим злодеев, поскольку они обращают пепел сожженных жилищ в драйв, свои раны и ссадины в неистовое действие. Именно они прорываются через условности и социальные пути, чтобы толкать историю вперед. В отличие от наших любимых героев, отрицательные персонажи — к добру или худу — ни перед чем не останавливаются, достигая собственных целей.

Именно поэтому мы втайне сочувствуем им, поэтому мы надеемся, что антагонисту удастся сбежать в последний момент, и по этой причине мы качаем головами,

одновременно недоверчиво и с сожалением, когда мы узнаем, что его все же поймали. Честно, в конце концов, как можно не проникнуться уважением к тому, кто с таким упорством сражался, добиваясь желаемого?

Сколько я помню, я всегда была на стороне побежденных, тех, кого не поняли и не приняли, кто оказался на стороне так называемого «порока». Возможно, это связано с моим взглядом на мир, в котором сам факт существования таких понятий, как «добро» и «зло», находится под вопросом. Есть шанс, что кажущееся благонаправленным сегодня будет выглядеть глупым завтра; ужасные деяния, совершенные пару лет назад, окажутся необходимым злом через десять лет. Я всегда находила концепцию добро-зло исключительно сложной, с того самого момента, как ребенком прочла беседу Бога и Сатаны насчет Иова. Это выглядело так, словно я поймала лучшего друга на том, что он подбадривает моего злейшего врага. Э, парни, вы что там, обговариваете условия?

Злодеи никогда не возникают из пустоты, они точно так же страдают, и пытаются сделать лучший выбор из доступных; и не имеет значения, что их решения могут отличаться от наших. Они иногда получают свою долю моментов славы и геройства, но их быстро забывают (Джейме Ланнистер, например). Негодяи отваживаются на риск, на который никогда не пойдет наш герой, и делают выбор там, где герой испугается и отступит. Они живут между Светом и Тьмой, и я, сама по себе, люблю тот тонкий слой между тем и другим, где вещи выглядят не такими определенными, более интересными, люди — менее примитивными, и куда сложнее проводить четкие границы.

Если некоторое время смотреть в глаза отрицательного персонажа, можно увидеть там наше теневое «я», наше скрываемое, но существующее «а что, если?», невоплощенные амбиции, потаенные желания.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Тебе нравится ненавидеть меня» — не только о мерзких злодеях, она и о нас самих, со всей нашей славой и всем ужасом. На этих страницах вы найдете тринадцать историй о злодействах, написанных мастерами писательского цеха современности, и к каждой из них в паре идет комментарий известного буктьюбера или книжного блогера. Вы встретите старых порочных знакомых и новых персонажей, некоторые будут воссозданы заново, другие помещены в иной контекст, но не таким образом, как можно ожидать.

Проблемы, что подняты в этих историях, побуждают нас оценить заново базовые понятия: «добро» и «зло», «правильное» и «ошибочное», и что на самом деле означает быть человеком. Быть живым.

Жизнь, смерть, ненависть, любовь, мщение, разбитое сердце — это все здесь.

Негодяи, те, кто так изящно порочен и искусительно зол.

Мы любим их ненавидеть, а они ненавидят быть любимыми, пусть хотя бы только по той причине, что ненависть освобождает их от обязанности быть хорошими.

И иначе быть просто не может.

РЕНЕ АХДИЕ

КРОВЬ ИМУРИВ

Куда бы Рон ни пошел, кошмары следовали за ним. Бесцветные создания, которых не видел никто более, окружали его.

Он мог различить их шепот, холодное дыхание время от времени касалось его ушей. Иногда даже мог разобрать бормотание: «Кто ты? Никто»; «Чего ты добился? Ничего». В другие моменты их речи звучали как потерянный язык далекой галактики; и о самом языке, и о мире, где его использовали, Рон знал только из уроков истории.

О том мире родители порой вспоминали — приглушенно, шепотом.

Кошмары часто появлялись в сумерках, тонули в чернильной темноте углов.

Хотя этого он от них и ждал — ведь ужасы, как ни крути, рождаются во мраке.

Чего Рон не ожидал совершенно — того, что он будет чувствовать, слышать их крадущиеся шаги при ярком свете дня. Даже в мимолетные моменты счастья они рыли норы вокруг его сердца, заползали, извиваясь, в его мысли, в чувства, в события.

И продолжалось это до тех пор, пока Рон не начинал воспринимать только их, и ничего более. Улыбка сестры превращалась в насмешливый, злой оскал, взгляд отца полнился не добротой, а осуждением.

“The Blood of Imuriv” copyright © 2017 by Renée Ahdieh.

А мать? Для матери Рон всегда был не более чем напоминанием...

Обо всем, что однажды было.

О женщине, которую она сама называла Матерью.

О женщине, которую Рон так сильно напоминал, и манерой себя держать, и характером.

О монстре, имевшем все, но разрушавшем все, чего она ни касалась.

Рон оставил тепло и веселье праздничного ужина, устроенного его семьей, едва тот перевалил за середину, он ушел без единого взгляда сожаления. Это не означало пренебрежения к кому-нибудь персонально, нет, он вел себя так всегда.

Вечеринки, затевавшиеся под ярким знаменем рода Имурир, отличались от тех, что давали иные благородные семейства Оранита; здешние праздники были начисто лишены показухи. Ее заменяли дружеское общение, угощение и смех, и частенько в кульминациях — рассказы о подвигах молодости его матери.

Шагая по изогнутому коридору, Рон обнаружил, что отражение пристально вглядывается в него из округлой белой стены.

Несмотря на все усилия матери, ее вечеринки никогда его не интересовали. Несмотря на ее старания, чтобы он чувствовал себя одним из приглашенных, Рон знал, что его присутствие было — и всегда будет — ненужным. Он всегда окажется там чужаком. Празднования были со вкусом и умом организованными собраниями, отражающими высокий статус их рода.

На ледяной планете Искандия, в ее блистающей столице Оранит не встретишь ребенка, не знающего о семье Имурир.

Большинство вспоминали это имя с теплотой, ведь мать Рона, несмотря на все слухи, была любима. В качестве правителя Оранита она привела с собой эпоху

неслыханного мира на целую планету, находившуюся под властью женщин.

Другие произносили название рода, хмурясь и мрачней.

Имя, оскверненное убийством, отмеченное пятном чернейшего военного позора.

И подсвеченное огнем древнего, непостижимого чудотворства.

Рон шагал дальше и дальше по холодным, погруженным в сумрак коридорам ледяной крепости, и вскоре различил знакомый с детства жужжащий шум машин, осознал их успокаивающее, гипнотизирующее присутствие.

Потерявшись в их мягком мурлыкании, Рон остановился, мысли его обратились к прошлому: что за женщиной была его бабушка, как она выглядела для тех, кого любила? Какая женщина? Какой правитель? Что за матерью она была до того, как ее собственная дочь казнила родительницу за военные преступления?

Странно, но именно с бабушкой были связаны последние мечтания Рона — опаляющая расплата, кровь и слава.

Мечты о том, чему не суждено быть. По крайней мере, в его судьбе.

В судьбе любого мужчины Искандии.

Жужжащий звук сдвинутого стекла привлек внимание Рона, и он глянул назад, в ту сторону, где осталась вечеринка. Слуга в цветастом камзоле нес гостям очередную перемену напитков, а за ним катился поднос с закусками.

Звон стаканов и веселый смех просочились в коридор, и он ощутил желание вернуться, занять положенное место рядом с матерью.

Пока колебался, двери за слугой захлопнулись, тепло и веселье поблекли, стали воспоминанием.

Ничем, пустотой.

Рон повернулся и возобновил ночные блуждания по залам родовой крепости. Двинулся вдоль той стены, где лежала густая занавеска тени, касаясь время от времени гладкого белого палатриума. Стена мягко изгибалась,

и светящиеся дата-линии оживали там, где он проходил, на уровне плеч и ног.

В любой момент Рон мог остановиться и задать полосу голубого сияния вопрос. Почти любой. И дата-линия отозвалась бы скорее, чем он успел моргнуть.

Но даже она не могла дать ответ ни на один из вопросов, мучивших Рона сильнее всего! И сейчас польхание цвета неба было не более чем облегчающей дорожку подсветкой.

Бот размером не больше ботинка Рона, кренясь, выехал из-за угла, зашуршал дальше, торопясь доставить послание, зажатое в его выставленной конечности, похожей на щипцы. Послание наверняка предназначалось матери, или, что тоже возможно, его важной-преважной сестре.

Когда бот заметил Рона, замершего у полосы голубого огня, что струилась по стене, он остановился, издав тонкий писк.

Некоторое время машина медлила.

Затем крошечное металлическое существо откатилось назад, и после небольшой паузы возобновило свой чирикающий путь к цели, находившейся в банкетном зале где-то за спиной Рона.

Он подавил кривую усмешку.

Даже безмозглые роботы знают, что лучше не вставать на пути у Рона из Имури. Наверняка рассказ о его последнем недостойном деянии добрался до всех слуг ледяной крепости Оранита.

Возможно, Рон не должен был отвешивать пинка этому нахальному боту, когда тот пересек ему дорогу на прошлой неделе. Хотя он не мог утверждать, что гнев полностью управлял его поступками в тот момент. Извращенная часть его сознания наслаждалась и полетом крошечной машины, и тем, как та с болезненным грохотом врзалась в палатриум стены в восточном крыле. Он в мрачном возбуждении наблюдал, как существо из металла с грустным чириканьем соскользнуло на пол.

Рон мало что контролировал в своей жизни, но по крайней мере имел власть над этим глупым созданием.

И все же вина все еще бередила душу, точно зазубренный кинжал — рану.

Рон нахмурился, сжал губы.

Нет. Он не был виноват!

Крохотный робот, лишенный души, не должен бросать вызова ему, человеку! Кроме того, нужно быть дважды глупцом, чтобы отвлекать Рона от чтения и ради чего? Ради глупейшей прихоти!

Рон не хотел играть в д'джариек с сестрой ни в тот день, ни днем ранее, ни на следующий. Алтаиз славилась как безжалостный противник, когда дело доходило до стратегических игр, а его не интересовали битвы, в которых он не имел шансов на победу.

И он не был в настроении великодушно улыбаться, созерцая свое поражение.

Как это обычно делал отец.

Нет, Рон никогда не будет его копией!

Он никогда не станет глупцом, согласным покорно стоять в тени властолюбивой, сильной женщины.

Пока Рон развлекал себя подобными мыслями, ноги сами собой несли его в сторону игровой комнаты; благодаря эластичным подошвам он шагал мягко, беззвучно.

Он поправил платиновую фибулу на плаще военного образца, и расправил хитро уложенные складки. Они струились с его левого плеча в стиле моды прошлого года, в стиле, что восходил к павшей в далеком прошлом империи.

Рон обогнул последний угол и резко остановился — скользящие двери, что вели в игровую комнату, были приоткрыты на ширину ладони, и изнутри струилось мягкое приглушенное сияние, будто лента из света легла от пола до потолка.

Толкаемый любопытством, Рон двинулся вперед.

Он скользнул ладонью по панели доступа, и двери распахнулись полностью. Горевший внутри свет ударил по зрачкам, точно молния, разрезавшая надвое черный небо-склон.

Не раздумывая, Рон поднял руку, закрыл глаза, а когда те привыкли, он обнаружил, что стоит в той сферической камере, что так хорошо была ему знакома по детским играм с сестрой. Обычно стены ее были столь же девственно белы, как и у наружных коридоров.

Но сегодня его встретила совсем иная картина.

Вдали мягкие волны лизали голографический берег, солнце висело в чистом голубом небе. Песок под ногами и по периметру камеры переливался хрусталем, там и сям словно вспыхивали крохотные драгоценные камни.

Рон двинулся через комнату.

Птицы, вымершие тысячелетия назад — каркающие, длинноклювые нахалы с кремовыми перьями, — плыли в вышине, их образы выглядели столь ясными и четкими, что он едва подавил желание вытянуть руку, предложить голографический кусочек пищи.

Даже воздух пах морской солью и другим миром.

— Это была наша любимая, — мягкий голос прозвучал за спиной.

Рон, не оборачиваясь, покачал головой:

— Твоя. Не моя.

— Она не нравилась тебе? — осторожные шаги начали приближаться.

— Я предпочитал ту, что с вулканом.

Резкий, но женственный смех породил в игровой комнате эхо:

— Обманщик!

И тут Рон не выдержал, глянул через плечо, наморщил лоб.

— Как ты узнала, что я пойду сюда, Алтаиз?

Его сестра оказалась рядом, шаги легки, движения точны и выверены.

Улыбка резко изменяла выражение ее лица, придавала ей игривое выражение. Единственное, что Рон не мог повторить, как бы ни старался, хотя в остальном они были очень похожи: темные волосы и бледная кожа, густые брови и заостренные скулы.